

Утренний свет пробивается сквозь старинные стены,
Седовласый мудрец наставляет юнца в этот час.
Вступил ты в пору зрелости, следуя долгу и вере,
Чти обряды и предков, как лучших из всех приукрас.

Отец уже несколько дней совещался с господином Ли, выбирая благоприятный день для моей церемонии совершеннолетия. Мачеха, госпожа Ма, мой брат Чанпин и Цинь-эр тоже не сидели без дела: то снимали мерки для торжественного облачения, то закупали всё необходимое для обряда.

В день церемонии в доме было не протолкнуться — гости заполнили все комнаты. Отец выступал в роли хозяина, господин Ли был главным гостем, а господин Мэнцюань, Чэн Янь, Чэнь Инь, Ян Инин, Юэ Дэфан и другие родственники и друзья собрались, чтобы стать свидетелями моего вступления во взрослую жизнь.

Облаченный в парадные одежды, я с почтением опустился на колени перед главным гостем. Сначала он возложил на меня черную шапку и произнес напутствие:

— В этот благословенный час ты принимаешь первый головной убор. Оставь детские забавы, пусть удача и счастье сопутствуют тебе.

Затем он возложил на меня кожаную шапку, промолвив:

— В этот добрый день будь строг к своей осанке, храни добродетель в сердце, и пусть великое благословение осеняет тебя вечно.

Наконец, он возложил на меня парадный головной убор и произнес:

— С началом нового года приумножай свои заслуги и добродетели. Пусть долголетие и небесная милость будут с тобой во веки веков.

Я отвесил господину Ли три глубоких поклона и с почтением поднес ему чашу вина в знак благодарности. Когда обряд завершился, я прошел во внутренние покои, чтобы поклониться отцу и остальным старшим, а затем отправился в родовое святилище, чтобы известить предков о свершившемся таинстве.

Отец, сияя от радости, сказал мне:

— Чанъань, сегодня ты стал взрослым. Надеюсь, что отныне ты будешь строг к себе, прилежен в делах и в будущем достигнешь высокого положения, чтобы служить государству.

Я почтительно принял наставление отца и поблагодарил дядюшек и учителей. Промаявшись весь день, я после праздничного ужина решил заглянуть в кабинет, чтобы немного почитать перед сном. Стоило мне открыть дверь, как чьи-то руки закрыли мне глаза, и тут же рядом

прозвучал звонкий девичий голос:

— Угадай, кто это?

— Дэфан!

— Ха-ха, какой ты догадливый!

Юэ Дэфан, недавно отметившая свое пятнадцатилетие, расцвела и стала настоящей красавицей. На ее миловидном лице играла очаровательная улыбка. Я осторожно взял ее за тонкие пальцы и, глядя в ее сияющие, как звезды, полные нежности глаза, почувствовал, как сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Ты разве не уехала домой с господином Юэ? Почему ты в моем кабинете?

— Я скучала по тебе.

— Что? Повтори, пожалуйста.

Я был настолько ошеломлен, что не поверил своим ушам. Она набралась смелости и громко воскликнула:

— Я сказала, что скучала! Ли Чанъань, я скучала по тебе!

Переполненный счастьем, я бережно притянул ее к себе. Она, подобно ивовой ветви, колышущейся на весеннем ветру, податливо обвила мою шею руками и слегка приподнялась на цыпочки. Ее живые глаза встретились с моими, а на щеках проступил нежный румянец, подобный вечерней заре.

Она прошептала:

— Чанъань, я так тосковала. Мне хотелось бы каждый день быть рядом с тобой. В те дни, когда я не видела тебя, я словно теряла душу — все мои мысли, все мои чувства были только о тебе...

Я вспомнил, как мы познакомились, когда мне было двенадцать. С тех пор, если не нужно было идти на занятия, мы проводили время вместе. Мы беседовали в саду обо всем на свете — от поэзии до жизненных идеалов, вместе упражнялись в каллиграфии, соревнуясь в мастерстве, или тренировались в стрельбе из лука на широком плацу, подбадривая друг друга. За эти шесть лет мы сблизились, втайне пообещав друг другу верность.

Теперь, когда я достиг совершеннолетия, пришло время говорить о свадьбе. Глядя на эту прелестную девушку, в чьих глазах светилась надежда на будущее, я понял: она ждет, что мы скоро станем мужем и женой.

Уши мои вспыхнули, жар разлился по шее, и я, едва сдерживая волнение, проговорил дрожащим голосом:

— Милая, разве я сам не тосковал? Теперь, когда я стал взрослым, я непременно попрошу отца обратиться к господину Мэнцюаню, чтобы поскорее взять тебя в жены.

Сказав это, я усадил ее на кушетку. Она прижалась ко мне, словно послушный котенок, и, подняв голову, посмотрела мне прямо в глаза, а затем смущенно закрыла их. Глядя на ее губы, подобные распустившемуся розовому бутону, я не смог больше сдерживать своих чувств и поцеловал ее. В тот миг мир вокруг перестал существовать — я чувствовал лишь биение наших сердец. Охваченные страстью, мы невольно опустились на ложе...

На следующее утро солнечные лучи пробивались сквозь переплет окна. Я легонько подтолкнул спящую рядом Дэфан:

— Дэфан, просыпайся, пора умываться.

В этот момент в кабинет вошла Цинь-эр с завтраком. Увидев Дэфан, которая как раз одевалась, она широко раскрыла глаза, и поднос чуть не выпал из ее рук:

— О небо! Что же это... вы, вы... что вы наделали?

Я бросился к ней и зажал ей рот, умоляюще глядя на нее:

— Добрая сестрица, прошу, молчи. Господин Юэ еще не приходил?

Цинь-эр, запинаясь, ответила:

— Я... я не знаю. Приготовила завтрак и сразу принесла, в переднюю еще не заходила. Ох, как же здесь оказалась дочь господина Юэ?

Дэфан, поняв, что происходит, залилась краской и тихо произнесла:

— Приветствую тебя, сестрица Цинь-эр.

Я постарался успокоиться и сказал:

— Не тревожься, когда придет господин Юэ, я сам всё ему объясню.

— Чанъань, отец зовет тебя в переднюю, пришел господин Мэнцюань, — раздался за дверью голос Чанпина.

Я крепко взял Дэфан за руку и зашагал в переднюю. Увидев дочь, господин Юэ, до того благодушный, помрачнел и сурово отчитал ее:

— Ты, негодница! Сбежала среди ночи, не ночевала дома... Дэфан, это просто возмутительно!

Отец, заметив, что мы держимся за руки, тоже воскликнул:

— Чанъань, что всё это значит?

Мы с Дэфан переглянулись и, опустившись на колени, искренне проговорили:

— Отец, дядя Юэ, мы любим друг друга и хотим прожить вместе всю жизнь. Умоляем, дайте нам свое благословение.

Дэфан твердо добавила:

— В этой жизни я не выйду ни за кого, кроме Ли Чанъаня!

Отец, поняв, в чем дело, смягчился и обратился к Юэ Чжэню:

— Брат Юэ, видишь, дети уже признались во всем. Давай не будем их мучить. Дэфан я знаю с малых лет, она добрая и разумная девушка. Если Чанъань возьмет ее в жены, это будет счастьем для нашего рода.

— Безобразие! Даже если они любят друг друга, нельзя же так себя вести! Что скажут люди, если узнают? Разве так мы воспитывали дочь в доме Юэ?

Несмотря на строгие слова, в уголках глаз Юэ Чжэня уже промелькнула едва заметная улыбка.

<http://bllate.org/book/20746/2079824>